

**ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ
“ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ...”
ИНДЕКС: 26260.
ИНТЕРНЕТ: <http://zavtra.ru/>**

Рассказ

В Россию текла боль.

Она с усилием переваливала своё рваное, длинное тело через косого-рого, глотая пыль с терриконов и собирая для пропитания колоски среди сгоревшей на полях бронетехники. Её саму из последних сил тащили на костылях, толкали в детских колясках и несли спелёнутой на руках. Везли в набитых нехитрым шарбом машинах. Именно по ним, по машинам, и узналось: а боль-то сама по себе бедна, богатые на таких стареньких “жигулях” не ездят.

Её останавливала, пыталась и исподтишка пинала на блок-постах родная украинская армия, обвиняя в предательстве и грозя то ли отлучить от родины, то ли наоборот — никуда не выпустить. При этом боль сама могла тысячу раз, ломая шею, сорваться с крутых склонов, свалиться с искорёженных пролётов на разрушенных мостах и навеки остаться на домашней земле под насмех сколоченным крестом. Но всякий раз она находила и находила силы двигаться дальше. Её двужильность удивляла, это нельзя было ни понять, ни объяснить. Особенно тем, кто не видел, с какими муками она рождалась под минами в посёлке Мирном. Как вдоволь, словно про запас насыщалась слезами в городе Счастье. Как горела днём и ночью в Металлистке. Уродовалась в Роскошном, превращалась в чёрные кровавые сгустки в Радужном, плавила в Снежном. Пряталась в тесных подвалах Просторного ради того, чтобы не померк свет, как в Светличном, и рыдала на Весёлой Горе...

Брела, текла по юго-востоку украинская боль — немая, но оттого легко переводимая на любые языки мира. Порой казалось, что это просто мираж Первой мировой, начавшейся таким же жарким летом 14-го года. Но — ровно сто лет назад. Да война смела с планетны правых и виноватых, разорвала в клочки империю и загнала в небытие целые династии: ей после первого же выстрела становится всё равно, что засыпать в могилы — любовь или ненависть, добро или зло, счастье или боль.

Боли нынешней тоже не гарантировалась безопасность и потому она вместе со всеми мечтала лишь об одном — побыстрее увидеть засечную черту. С пограничными вышками. С русскими солдатами на них. Там, за их спинами, за их оружием и могли прекратиться все мучения.

Но не торопилась, не спешила открываться граница. Словно оберегая собственный дом от близкой войны, оттягивала и оттягивала засечную черту вглубь России. А может, просто давая людской боли возможность испить свою чашу до дна.

Вот только где оно, дно? Кто его вымерял-выкапывал? Под чей рост и какую силу?

Но не идти, не ползти, не ехать нельзя было, потому что за спиной “градины” срезали бритвой деревьев. Вспарывали крыши школ и детских садиков. Перемальывали в труху бетонные укрытия бомбоубежищ. А смешнее всего войне вдруг оказалось наблюдать за стеклянными ёжиками. Разбиваешь взрывом на мелкие осколки стёкла, и они веером сначала впиываются, а потом шевелятся на людях, когда те начинают ползти. Дети ползут — маленький ёжик, старики — ёжик большой. Летом одежды на людях мало, видно всё очень хорошо...

Однако и на эти остатки живого после артиллерий серебристыми корунами сваливались с неба МиГи и “Сушки”. Из-под их крыльев, как из сот, с шипением вырывались гладко отточенные “нурсы” с единственным желанием — доказать свою военную необходимость, своё умение рвать на куски, сжигать, крушить всё без разбору. Роддом и морт — одновременно. Водозабор и подстанция — можно по очереди. Церковь, пляж, тюрьма — как получится. На то они и неуправляемые реактивные снаряды.

Вольготно на войне металлу. Территория Новороссии, при любом исходе битвы уже обозначенная историей как Донецкая и Луганская Народные Республики, могла показаться адом, выжженной, потерявшей рассудок землей. Могла, если бы не ополченец “Моторолла”, ломавший плоскогубцами гипс на своей правой руке, — ради фронтальной свадьбы, ради того, чтобы могла невеста по всем правилам мирной жизни надеть ему обручальное кольцо. Если бы не черпаха, которую нашли ополченцы в разрушенном детском садике и не поставили на довольствие в одном из своих отрядов самообороны. В конце концов, если бы не врачи, во время обстрелов прикрывавшие в реанимации своими телами малышей, которых нельзя было отключать от медицинских аппаратов и переносить в подвал при бомбёжке. А их, врачей, закрывали собой и расставленными руками, — чтобы захватить как можно большее пространство, — обезумевшие матери этих недвижимых деток...

С усилием, с кровью, но жили, выжидали Луганск и Донецк, хотя и сражались в одиночку. Соседние территории, исторически тоже считавшиеся Малороссией или тляготевицею к ней, не подтаплились, не отвелили врага хотя бы пожным замком. Укрылись в глухом молчании Харьков и Николаев. Да, обезглавили сопротивление, заполнили тюрьмы людьми с георгиевскими ленточками, но ведь не на пустом месте родился закон: вчера рано, но завтра — уже поздно!

Отворачивались Днепрпетровск. Потеряло удалую казачью шапку под женскими юбками Запорожье.

Одесса? Город-герой оказался городом-героем всего лишь 50 сожжённых в Доме профсоюзов горожан. В других странах ради одного невинно убиенного вспыхивают народные восстания, мужество же одеситов иссякло вместе с тайными похоронами этих мучеников. Смолчала Одесса. Не произнесли ни звука и её великие дерibasовские сатирики, ещё вчера поучавшие с экранов телевизоров всех нас достойно жить. Может, ещё

потому не встала Одесса, потому распылила великое звание “Города-героя”, что в нём с помпой открывали памятники портфелю Жванецкого и нарисованной, брошенной на тротуар под ноги прохожих тени Пушкина, но не ветеранам Великой Отечественной?

А может, ещё встанут? Ещё соберут силы и злость? Но первый, второй, третий, четвёртый месяц Донбасс и Луганск, которые собранная на майдане в Киеве национальная гвардия купе с армией и частными батальонами олигархов обещали раздать как колорадских жуков за десять дней, бились вопреки всем прогнозам. В соотношении 1 к 50. И тем значимее выглядело мужество одиночек, если даже в семи-миллионном шахтёрском крае слишком многие посчитали, что война их не касается. Почувствовав эту слабость, власть в Киеве и взвела курок. Полетели “градины”, засветились в ночи начинённые фосфором бомбы, взмыли в небо стальные коршуны. Воевать глаза в глаза с ополченцами украинская армия не смогла, били по площадям, а значит, по невинным, непричастным и отстранённым тоже.

Потому из Счастья, Мирного, Ра-

Николай ИВАНОВ

дужного, Славянска, легендарного “молодогвардейского” Краснодона, Шахтёрска, Ясиновата, Дебальцево вытянулись колонны уходящих от войны людей. В Россию. К “агрессорам”, как объявляли русских в Украине.

Вместе с беженцами потекла и боль. Никого не спросась, ни с кем не посоветовавшись, она просто проникла в одежду, в глаза, в кожу, в сознание, в слова, в мысли, даже в сны людей, идущих к засечной черте.

Я ехал навстречу этой боли на БМП — универсальной, сотворённой для вёрткого, скоротечного боя боевой машине пехоты.

Её тонкие, изящные, словно только что вышедшие из-под педикюра траки легко сдирали мистый слой дёрна вдоль просеки, ведущей к границе. Но я стучу ногой по левому плечу торчащего из люка механика-водителя — сворачивай в эту сторону. У меня нет погон, камуфляж без опознавательных знаков, но бойцы слушаются, как безоговорочно подчиняются в незнакомой местности проводникам. Собственно, я и вывожу войска на самую удобную с военной точки зрения позицию. Сейчас ещё левее, потом рывок через выросший самосевом лесок...

Вообще-то я ехал в родные края в отпуск, а не водить колонны. Но в очередной раз грустно подтвердилось, что в нашей огромной стране, при её огромной армии воюют, выходят на острие событий одни и те же люди: что в Афгане, что в Чечне, что в Цхинвале я встречал в окопах одних и тех же офицеров. И даже здесь, в междуречье углу брянского леса (древнее название города Дебрянск произошло как раз из-за непроходимых дебрей) нос к носу столкнулись на просёлочной дороге со знакомым полковником с Урала. Знать, не только Одессу и Донецк победило телевидение, если даже у нашей армии нет длинной скамейки запасных...

— Извини, нам пора, — дёрнул щею через пару минут после встречи уралец.

Приказ для стоявшей за его спиной войсковой группировки уже знаю — вылезти из капоников, в которые пришедшие из глубины страны бойцы зарывали себя и технику последние три дня. И не просто снять маскировку, а обозначить себя как можно ярче в непосредственной близости от границы. Порадовался: неужели руководству страны наконец-то надоело прятаться на собственной территории и делать перед границей вид, что не ведаем о перемещениях своих войск?

— Свои тапки в своей хате ставлю хоть под лавкой, хоть на печку, — ревел дипломатично и военный приказ на житейский язык уралец.

А я успеваю увидеть на его карте отметку косяк своего родного села. И хотя держал в уме и дальнюю, а потому, скорее всего, более верную причину проснувшейся активности — оттянуть от Новороссии на этот участок границы войска украинской армии, помочь мужикам из ополчения хотя бы таким, косвенным образом, — встаю перед другом-полковником по стойке “смирно”. Отдаю честь: готов быть рядом. Слов в данном случае не требуется, и командир кивает на головной “тапок” — залезай и рули.

Лишнего шлема со связью нет, рулю колонной по-афгански — ногами. Впереди до размеров солдат вырастают из-под земли боровички в зелёных касках и с оружием, перевязанным пропитанными зелёной бинтами — чтобы не блестили стволы среди зелени. Снимают с рогатин перегоревшую нам дорогу длинную осину со срезанной черт равные промежутки корой — чем не шлагбаум! При скорости начинают хлестать нависшие над дорогой ветки и приходит осознание полной зависимости нашего мира от случайностей: когда-то ко-го-то не отхлестали розгами по заднице, мальчики выросли, стали нукудышными политиками, и вот теперь ветки бьют нас. Уже по лицу.

Благо, наша “тусянка” быстроходна, и грудью вперёд, урча от скрытой мощи, вырывается из самосеви на простор. Под бинокли замерших на сопредельной стороне украинских пограничников.

Цыганочка с выходом.

Мазурка.

Барыня.

Голак, в конце концов!

А лучше всего вальс. Но — севастопольский! Он только что, этой весной прозвучал для России, и весь мир в оцепенении осознал её величие и силу: когда возродилась “Рашка”, когда вышла из-под послушания немцыта Россия? Ведь к слабым целыми полуостровами не уходят!

И вот эта сила здесь. И я первым, помня о Новороссии, готов показать припавшим к окулярам украинским пограничникам, что сила эта сумасшедшая и могу ударить механика-водителя и правой ногой, направляя колонну на границу. Через засечную черту. Горючки — почти до Киева! На стволах пушек — чехлы, но они скорее от пыли: 100-мм снаряды со скоростью 15 выстрелов в минуту прощють ткань, не заметив этого. А рыдшиком — автоматическая пушка на 330 выстрелов в минуту. Под локтем гранатомет “Балкан” со скорострельностью уже 400-500 выстрелов в те же 60 секунд. Если в бинокль вдруг не видно, добавляйте на веру ещё два комплекса — для уничтожения вертолётов и выноса мозгов танкам. Вместе с экипажами. Ну, и куда без родных крупнокалиберных танковых пулеметов. Они — классика жанра. И всё это подо мной, под башней, на которой я восседаю царём на троне. В чреве только одной “тусянки”. А их прыгит сади с десантом на броне... Брррр. Бойтесь, ребята. Или хотя бы просто доложите наверх про наш демарш. Войной, конечно, не пойдем, но вдруг наш откровенный танец хоть немного заставит Киев задуматься о

безнаказанности. Поможет притушить вашу же, украинскую боль, текущую в Россию за сотни километров отсюда. А может, как в былые времена, станцем вместе? Ради будущего. Оно ведь всё равно настанет, на Луну друг от друга не улетим. А вот Америки останется за океаном, его не выпьешь. Так что приглашаем! Пройдём по острию каната, как шутят в армии. Училища-то заканчивали одни и те же, ещё пока есть за что зацепиться в общем прошлом. В нём не называли презрительно фронтовиков колорадами, портрет приспешника фашистов Бандеры не висел образцом нации в государственных кабинетах, от русской речи скульпы не сводило...

Проносимся мимо заброшенного колхозного сада, больше похожего на недоенное стадо коров, стоящее по колено в бурьяне. Десанту хочется яблок, лето с зеленью, ягодами и фруктами проходит мимо них, но скользят, елозят по броне малые сапёрные лопатки, притороченные к солдатским ремням. Для бойца неизменно правило — окоп раньше еды. Обустроимся, а потом можно и яблочек, даже молодильных, поискать.

Рывок на скорости не долгий — пошли рывтины от плугов. Они перед нашим сельским кладбищем и словно тормозят ретивых — к нам торопиться не надо. Не будем. Там уже лежат моя бабушка, первая учительница, облучившийся в Чернобыле друг. Столбы синхронно, как на плац-параде, кланяются их могилам, и вслед за оружием, вроде бы просто потому что кашка, кланяюсь и я. Вот, привёл защиту. Теперь можете лежать спокойно. Может, и хорошо, что не дожили до таких времён...

Кладбище — самое высокое место в округе, в кустарнике рядом с ним можно укрыться, а вот обзор на все 360 градусов. Прекрасна и связь, из села народ сюда ходит звонить и в Москву, и в Киев: оказывались практически на равных расстояниях от столиц, мы и развешались в них за лучшей долей того почти поровну... Командиру неведомы мои переживания, привычно отдаёт распоряжения. Солдаты то ли дурасцы, то ли потому что по-иному не получалось, повернули бэзмпешки к границе задом, в охотку погазовали и юркнули нашкодившими котятками в тень от деревьев.

Но не котятка, конечно. Украина зовет к себе всех, кто мог бы наказать, проучить, просто укусить Россию. Она готова стать плацдармом, подносить глотки, снаряды, чтобы запольхало и у нас. В конце концов, выколол самой себе глаз только ради того, чтобы у России был кривой сосед.

Потому и замерли на сельском кладбище БМП, по-китайски прищуривая от пыли глаза-триплексы. Целые и невредимые.

Командирам прищуриваться некогда.

— Это, случаем, не ваши? — полковник кивает на дубки, редкой стёжкой отделявшие наши деревенские поля от украинских наделов.

К ним на всех порох неслась запряжённая в телегу лошадака. То, что в селе занимались контрабандой, не видела только полиция, но с приходом армейцев ситуация, конечно, изменится. Надо предупредить земляков, чтобы зачехляли свой “контрабас” от греха подальше. Командир понимает, что даже спрятанных под броней 660 “лошадей” не хватит дognать телегу из контрабанды, дёргает щекой: хорошо, но это последняя. Потому как он теперь главный на этом клочке России и отвечает за всё происходящее здесь. А точнее, за то, чтобы на нём ничего не происходило.

— Вроде пронесло.

Стёпка Палаш притормозил Орлика, вывернул шею. Танки не гнались, и он подмигнул лежащему в телеге Кольке Трояку: вот так мы их по-партизански.

Но тут же затушеввал мысли, вновь вскинув вожжи. Трояк в войну пусть и по малолетству, но числился в полициях, и хотя отсидел за свою белую повязку спола, при нём прошлое в селе старались не ворошить, щадили самолюбие.

Да только не объехать сегодня прошлое ни на Орлике, ни на кривой козе — вспомнится. Потому что ехали за сватом Трояка — Федькой, умершим вчера на Украине. Последним сельским партизаном. Кто теперь будет красить в селе памятник серебрянкой перед 9 Мая? Когда по приходу немцев Кольку записали в полицию, Фёдор подался в лес. Жалел-завидовал потом Степан, что в это время совсем пацаном был, а то

бы тоже, конечно, взял в руки оружие. И тоже имел бы потом все льготы ветерана и почести.

А вот Победа одного и тюремный срок другого так и не примерили бывших друзей одноклассников. Даже свадьба старшего сына Фёдора Максимыча за девкой Трояка не посадила их за один стол.

— Ты что творишь? Хочешь, чтобы внуки были полицейскими? — метал громы и молнии Фёдор перед свадьбой.

— Люблю я её. А внуки будут партизанские! — не отступился сын. Хараakterом выплился весь в батю.

А потому и первым из района поехал закрывать Чернобыль...

— Хороший человек был Федька. Замысловатый, но не вредный, — опять нарушил молчание Степан.

Трояк согласно кивнул головой, хотя отношения сватьёв секретом ни для кого не являлись. А может, поддакнул всего лишь одному слову — “замысловатый”: кто узнает мысли соседа, даже если ехать с ним в одной телеге?

— А отчего они, тромбы, отравляются? — не отпуская Степана мысли о покойном.

— Всё в организме от нервов, — по-

жал свободным плечом Трояк из своего лежбища в сене.

— Ещё хорошо, что позвонили отсюда. А то по нынешним временам могли просто в яму скинуть.



— Главное, вывезти. — Вывезем. Давай, Орлик, давай, милый, — подхлестнул Степан коня, вставшего перед крутой насыпью украинской трассы.

Четырёхметровый ров, как в других местах, здесь хватило ума не рыть, конючую проволоку не натянули, а пограничников к каждому кусту не приставили. Так что если не шуметь, то проскочить можно, контрабанду так и перекидывают, не спрашивая национальности.

Но Орлик скосил сливовый глаз, перебрал перед препятствием в неуверенности ногами, и мужикам пришлось спрыгнуть с телеги. Палаш взял коня за уздцы, потащил за собой навех, Трояк уперся в телегу сзади. В натяг, все трое припадая на колени, не взяли пограничный рубеж. Повторить такой же подвиг с телом Фёдора вряд ли получится, сами свалят его в яму. А это грех несусветный, чтобы живые роняли мёртвых. Так что возвращаться придётся официально, длинной дорогой через пограничный пост.

Город знали, как собственное село: чай, пожилы без границ, а поскольку Украина была значительно ближе собственного райцентра, то и в магазин, на поезда, в больницы ходили-ездилы сюда. Без подскоков разыскали и морт. Там их заставили расписаться в какой-то бумажке и впустили в прохладный, матово освещённый барак: забирайте, который ваш.

Фёдор лежал на крайнем топчане. Заострившийся нос, выступивший вперёд подбородок и впавший рот изменили его облик, но не настолько, чтобы не узнать или засомневаться. На поджке висели колодки от медалей, но без самих кругляшей. На правой стороне, где по праздникам всегда красовался орден Отечественной войны, раной зияла рваная дыра.

— Как поступил, так всё и есть, — толстенный санитар, не дождавшийся подношения, демонстративно отвернулся и наседкой замер над остальными топчанами. Авось на каком-то и снесётся золотое яичко на обед...

Деды затоптались вокруг топчана, примеряясь, как подступиться к покойному.

— Бери за ноги, — скомандовал Степан.

Стараясь не смотреть на лицо свата, Трояк взялся за туфли. Они скользили, одеревеневшие ноги Фёдора норовили хотя бы ещё раз коснуться земли. На телеге порядком заранее не навели, и пришлось расправлять сбитую попону уже под удермившим, чтобы ехало ему домой мягко, без неудобств. От любопытных глаз прикрыли тело предсудомительно прихваченной простынкой и тихонько тронулись.

Покрывало отбросили пограничники. Сверили Фёдора с фотографией на паспорте, бдительность ошупали сено под покойником, долго созванивались по телефону, и в конце концов дали от ворот поворот:

— Вы нигде не переходили границу официально, а этот, — кивнули на телегу с умиротворённо лежащим Фёдором Максимовичем, — должен идти уже как груз. Через таможену. Надо декларировать.

— Да вы что, ребята? Домой же везём. Человек умер, — опешил Степан, взвзвывая на себя роль переговорщика.

— А откуда мы знаем, где и как умер? Может, возите специально, выведывая секреты.

— Какие секреты? — простодушно не

понял Степан.

— Ну, железная дорога рядом. Да мало ли что задумали. Вон, мотаете на танках вдоль границы. Что у вас на уме, откуда нам знать. Давайте назад, пока лошадь не конфисковали. Или ищите какие хотите справки. Назад.

Из машин, стоявших в очереди на пересечение границы, недовольно засигналили. Орлик нервно загарцевал, пытаясь развернуться с оглоблями в узеньком, огороженном бетонными блоками, коридоре.

— Сейчас, сейчас, — бормотал Степан, стыдась своей нерасторопности при всеобщем внимании.

Трояк тоже прятал глаза. А вот с лица Фёдора Максимовича покрывало на разбитой дороге сползло раз за разом, позволяя ветерку легонько перебирать его седые волосы.

— Слава Украине!

— Героям слава! — вдруг раздалась из узкой полосы парка, тянувшегося вдоль дороги, знакомая по телевизору речёвка.

— Кто не скаже, той москаль.

— Про нас, Колька, — с грустной усмешкой посмотрел на попутчика Палаш. На телегу пока не сядились, шли рядом с покойником. Но ускорили шаг, подстегнув вожжами Орлика — от греха подальше.

— Москальку на гиляку.

— Что такое гиляку? — уже не без тревоги полюбопытствовал Степан. Трояк сидел свой срок на Украине, за столько-то лет язык поневоле выучился.

— Виселица.

Степан поворотно вспрыгнул на те-

легу, кивнул напарнику — поехали отсюда.

— Хотя правильнее — шибеница, — попытался успокоить Трояк, словно на ней, шибенице, висеть приятнее, чем на гиляке.

А шум митинга нарастал, впереди через низенькую ограду стали перепрыгивать люди, пробую останавливать машины. Первые успели увернуться, но толпа густела, и перед Орликом улицу, наконец, закупорили.

— Кто не скаже, той москаль, кто не скаже, той москаль, — запрыгала вокруг машин молодёжь.

Орлик задергался, не понимая шума, а тут и к экзотическому транспортному средству подскочило несколько человек.

— Хлопци, кинь не скаже. Москалька. Треба конфискувати. На донецкий фронт.

— Або нехай за него скачуть діді. Степана и Трояка оторвали от телеги, задрёгали, вовлекая в общий ритм скачки. Палаш несколько раз подпрыгнул, лишь бы отстали и не принялись потешаться над телом соседа. Да и с какого рожна отдавать им лошадей.

Его дряблых скачков оказалось достаточно, чтобы сойти за своего, а вот Трояк встал как вкопанный. Как Орлик. Но тому нельзя падать на колени, на них у него с рождения белые звёздочки, сразу замазает...

— Слава Украине! — принялись кричать в лицо деду пацаны с накрученными на руки цепями, требуя ответа. “Фёдору слава”, — вдруг произнёс про себя Трояк.

Наверное, ему ничего не стоило, как Палаш, два раза подпрыгнуть и уехать восвояси. Но жизнь, прожитая после войны на задворках, без права голоса, сейчас словно давала ему шанс начать её последний остаток с чистого листа. Да-да, здесь, сейчас его не просто заставляли скакать бараном посреди улицы. Через 75 лет после начала войны ему вновь предстоял выбор. Возможность исправить трагическую ошибку юности. Обрести хотя бы на старости лет собственное достоинство. Пожить днём, с людьми, а не прятаться от их взглядов десятилетиями в ночных сторожах. А Фёдор, даже мёртвый, завернутый в попону, был судьей, он из своего небесного далека словно готов был поверить, что тогда, после седьмого класса, произошла нелепая ошибка...

— Скачи! — нетерпеливо толкали Трояка. — Скачи, москалька.

Из-за прыгающих тел строил страдальческую мину Степан — да прыгни ты, что взять с идиотов. Но Колька Трояк не трогался с места. Его уже толкали в спину, сбили картэз, и центр сбирца, предчувствуя жертву, стал перемещаться к телеге, а он остывался нем и недвижим. Стало понятно, в какую катавасию попал перед смертью и Фёдор, как сорвали у него ордыню...

— Да хлопцы, хлопцы, — порывался защитить друга Степан. — Он же глухонемой. Немой и глухой.

И как последнее спасение, сорвал простынь: не глумитесь при покойнике, не берите грех на душу. Простынь висела в поднятой руке белым флагом, он мог развести стороны, но в эту секунду Трояк, словно боясь опоздать, вдруг запел. Он помнил, когда пел на людях последний раз — в школьном хоре на Первоймай, перед самой войной. Потом миллионы раз про себя в тюрьме и длинными ночами долгие годы при работе сторожем в колхозе. А сейчас на удивление

толпе, самому себе, а более всего — Степану, негромко напел вслух:

— *Ой у гаю, при Дунаю
Соловей чебечу!*
*Він же свою всю пташину
До гніздячка кличе...*

— Да какой же он глухонемой? — замерла толпа, сама наполовину говорившая по-русски.

Однако песня звучала украинская, на телеге лежал покойник, и постепенно, отвлекаясь на другое, люди стали отходить. Первым развернулся парень с белым котёнком на плече, последним отошёл вояка с накрученной на рукавицу цепью. “Эх, такое бы на ведро, таскать воду из колодца”, — мимоходом отметил Степан. А то и впрямь, приходится верёвкой...

Слух о почившем достиг передних рядов, и не сразу, по одной машине, но затор стал рассасываться. Вслед Орлику свистнули, не без этого. Но именно лошади, а не умершему, — даже молодёжь озверела не до конца. В глазах Трояка стояли слёзы, он вытирал их испотанным в пыли картэзом, и Палаш сочувственно тронул попутчика, готовый разделить его боль от ударов.

Только дед Коля Троячный не мог сдержать слёз не от боли, а от опустошившей его гордости. От забытой радости. От того, что стоял, не запрыгал старым козлом. Что не сдался даже при поднятом белом флаге. И что теперь мог впервые за семь десятилетий долго, не отвоя взгляд, смотреть в лицо свату: “Здравствуй, Фёдор. Вот так оно получилось. Спасибо тебе”.

— Как ты их! — поднял зажатую в кулаке вожжу Степан. — А я того... чтоб быстрее вырваться, — оправдался за себя, хотя деду Коле чужого не требовалось. — Запрыгивай. Но, милый. Домой, Орлик. А мы ещё побачим, кто и как будет скакать на морозе без газа. У нас цыплят по осени считают...

Подъехал к месту, где утром выбирался с русского поля на украинскую дорогу, остановились. Степан стал поправлять сбрую на лошади, а на деле выжидая, когда освободится от машин трасса. Хотя следовало потопириться: над лесом нахлобучивалась туча, потянул свежий ветерок, будоража лошадей. Они такие, они грозу ноздрями чувствуют.

Дед Коля тоже спрыгнул с телеги, вдвоём оглядели место съезда. Степан на правах возницы вздохнул: — Можем перевернуть. Придётся переносить на руках.

Замешкались, не помня, головой или ногами нести тело с насыпи. Попробовали боком. Заскользили, путаясь в будильной старой траве. Как ни старались удержать Фёдора на весу, уронили. На трассе заурчала машина, и мужикам пришлось лечь, прикрывая покойного собой.

Подняли головы, лишь дождавшись тишины на дороге.

— За нас умер, — вдруг произнёс Степан. И хотя Николай не спорил, упрямо кивнул: — За нас. Мы жили — а он работал. Горел. Не было лучше соседа...

Степан словно тоже просил прощения у покойного за все споры и намешки, случившиеся на долгом соседском пути-жизни. А может, и за невольный